

DOI: 10.31857/S013038640009143-5

© 2020 г. В. В. СОГРИН

50 ЛЕТ В АМЕРИКАНИСТИКЕ

Согрин Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, председатель Российской ассоциации историков-американистов (Москва, Россия).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Аннотация. Автор раскрывает эволюцию своих теоретических и исследовательских позиций в течение 50 лет научной деятельности. Особое внимание уделено изменению исследовательских подходов в постсоветский период. Его научное кредо состоит в том, чтобы, следуя принципам академической свободы, максимально приближаться к исторической истине, скрупулезно изучая самые разные стороны американского исторического опыта. Первостепенное внимание уделено современным методологическим подходам автора, в первую очередь цивилизационному и междисциплинарному, а также диалогу с разнообразными историографическими школами. Разъясняется его отношение к историческому материализму и суммируются главные исследовательские результаты работы историка. Привлечение методов и категорий мировой социологической науки в сочетании с подходами исторической науки позволило развить новаторскую концепцию социальной истории и социального конфликта в американской истории. Использование категорий мировой политической науки в сочетании с принципом историзма позволило обосновать оригинальную научную концепцию меняющихся исторических типов американской демократии и политической власти в целом. Автором исследованы основные идеологические течения в США — либерализм, консерватизм, левый и правый радикализм — и их соотношение на всех этапах американской истории. Им изучены ведущие школы и течения в американской исторической науке, раскрыт их вклад в изучение основных проблем истории США. Осуществлен оригинальный синтез внутри- и внешнеполитической истории США. Раскрыты авторские концепции основных проблем американской истории: Войны за независимость и Гражданской войны в США, Прогрессивной эры, Нового курса и другие.

Ключевые слова: междисциплинарный и цивилизационный подходы в историографии, историографический диалог, Война за независимость в Северной Америке, Гражданская война в США, Прогрессивная эра, Новый курс.

V. V. Sogrin

50 Years in American Studies

Vladimir Sogrin, The Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: vsogrin@yandex.ru

Abstract. The author reveals the evolution of his theoretical and research positions over 50 years of research activity. Special attention is paid to changes in research approaches in the post-Soviet period. His research credo: following the principles of academic freedom

to approach historical truth as much as possible relating a variety of different sides of American historical experience. Priority is given to such methodological approaches as civilization and interdisciplinary approaches, dialogue with a variety of historical schools. The attitude towards historical materialism is explained. The main research results are summed up. The involvement of the methods and categories of sociology combined with the approaches of professional historiography allowed the development of an innovative concept of social history and social conflict in American history. The use of categories of political science combined with the principle of historicism produced the original concept of the changing historical types of American democracy and political power in general. Author explored the main ideological currents of the United States: liberalism, conservatism, left and right radicalism, – and their correlation at all stages of American history. The author examined the leading schools of American historiography and revealed their contribution to the study of the main problems of the USA history. The original synthesis of domestic and foreign policy history of the United States has been carried out. The author's concepts of the main problems of American history such as the US War of Independence and the Civil War, the Progressive era, the New Deal and others is revealed.

Keywords: interdisciplinary and civilization approaches in historiography, historiography dialogue, US War of Independence and Civil War, Progressive Era, New Deal.

Почему 50 лет? Я веду отсчет от своей кандидатской диссертации, посвященной оформлению американского социального либерализма и защищенной в 1970 г. Вслед за моими учителями, историками-американистами И. П. Деметьевым, Н. В. Сивачевым и Е. Ф. Язьковым, я отказался от взгляда на американскую цивилизацию, как катящуюся в пропасть, не способную преодолеть или сглаживать противоречия, присущие капиталистической формации. Я избрал объектом дипломной работы и кандидатской диссертации обновление на рубеже XIX – XX вв. главной американской идеологии – либерализма. Позднее я стал именовать обновленную идеологию *социальным либерализмом*, который вытеснил с господствующей позиции классический либерализм, выступавший (окончательно с 1950-х годов) уже в качестве американского варианта консерватизма¹.

Следующим моим исследовательским проектом стала идеология американского Просвещения. Двигал мною вопрос о «корнях», способствовавших развитию позитивных сторон американской цивилизации. В 1970-е годы сложились в высшей степени благоприятные исследовательские возможности для изучения этой темы. Американцы в связи с празднованием в 1976 г. 200-летия своего государства активно издавали первоисточники по истории его возникновения. Сделанные мною выводы о содержании, эволюции и дифференциации предреволюционной и революционной идеологии представлялись мне более полнокровными, нежели те, которые содержались в трудах американских историков. В отличие от них, я доказывал, что главным европейским источником предреволюционной и революционной американской идеологии было европейское, в том числе английское и французское, Просвещение, а не ренессансный республиканизм и английский вигизм (хотя, следует признать, что, как результат научной полемики, значение последних я недооценил и на современном этапе синтезировал роль идеологии Просвещения и классического либерализма)².

Следующим исследовательским объектом я избрал историографию США XX в. В то время одной из самых животрепещущих тем советской историографии

¹ См.: *Согрин В. В.* Истоки современной буржуазной идеологии в США. М., 1975.

² Диссертация опубликована в качестве монографии в 1981 г.: *Согрин В. В.* Идеиные течения в Американской революции XVIII века. М., 1981.

была критика зарубежных историков. При этом в «ненаучные» школы заносились все зарубежные историографические течения, за исключением марксистского. В 70-е годы в США оформилась достаточно влиятельная и высокопрофессиональная радикальная («новая левая») школа историков, и отношение к ней советских американистов было позитивным. Я решил расширить поиск критических немарксистских школ американской историографии, включив в нее также прогрессистскую и негритянскую школы. Их ракурс рассмотрения американской истории «снизу», сосредоточенность на истории нижних и неравноправных социальных групп (женщины, темнокожие, индейцы, иммигранты, белые рабочие, беднота) порождали критические оценки американской цивилизации. Также остро критически оценивали они и внешнюю политику США. Моя монография «Критические направления немарксистской историографии США XX века» была опубликована в 1987 г. Редактировал и готовил ее к печати я уже во время начавшейся горбачёвской перестройки, что определенно повлияло на смягчение или даже устранение некоторых идеологических клише, принятых в советской историографии.

Позитивным результатом перестройки для меня как профессионального историка было то, что в ходе и вследствие нее возникла академическая свобода, и отечественные обществоведы, среди них и историки, смогли в полной мере осознать, что такое объективное изучение реальности, и получили возможность постигать историческую истину *per se*³. Научный плюрализм в отечественной историографии, в том числе в американистике, возникший благодаря перестройке, развивался противоречиво⁴.

На протяжении постсоветского периода я пытался следовать объективному, как я его понимаю, исследовательскому кредо. Формулировал я его так: раскрывать и исследовать максимально полно самые разнообразные явления и стороны американской истории и современных США, стремиться к нахождению их объективного соотношения, точной меры. Историческая истина лежит не посередине между противоположными оценками; ее постижение означает раскрытие и точное соотнесение и сбалансированное представление в исследовании всех сторон изучаемого объекта.

Первостепенное внимание я уделил методологическим вопросам. Новым был цивилизационный подход. В изучении истории США мною был разработан реестр архетипов и факторов цивилизации США, которые оказались полезны при анализе *долговременных тенденций* американской истории. Вот они:

1. *Англосаксонский архетип* – это британские цивилизационные характеристики, перенесенные в Новый Свет. Англосаксонский архетип господствовал в период становления североамериканского общества в XVII–XVIII вв., и сохранил огромное влияние в будущем. Североамериканское общество начиналось не с «чистого листа», оно возникло в XVII в. как продолжение английской цивилизации. Англичане переносили в Новый Свет установления и традиции своей родины, среди которых важное место принадлежало частной собственности, представительному правлению, обычному праву. Североамериканское общество в восприятии буржуазных начал с момента возникновения было более «продвинутым», нежели феодально-буржуазная Англия.

2. *Либерально-капиталистический индивидуализм*. Индивидуализм так или иначе присутствовал и в предшествующих обществах, например он пестовался еще

³ саму по себе, как таковую (*лат.*).

⁴ Подробнее об этом см.: *Согрин В. В.* Состояние и перспективы российской американистики. – Новая и новейшая история, 2014, № 3, с. 157–158.

в Древней Греции и Древнем Риме. Но понятие *либерально-капиталистический* индивидуализм указывает на наивысшую степень развития индивидуализма в американской цивилизации. В Соединенных Штатах, возникших как капиталистическое общество, главным мерилom индивидуального успеха всегда выступало приобретение и умножение собственности и богатства. Триумф либерально-капиталистического индивидуализма имел как плюсы, так и минусы. Есть основание согласиться с теми, кто рассматривает этот феномен в качестве важнейшей и, возможно, главной причины материальных успехов американской цивилизации. Но можно согласиться также с теми, кто полагает, что торжество индивидуализма в национальной ментальности стало причиной как неизменно глубокой социальной дифференциации общества, так и нечуткости его благополучного большинства к материальному прозябанию нижнего класса.

3. *Демократия*. В США демократию мыслили и мыслят как *политическую*. На разных этапах в американскую демократию входили разные составляющие, а их соотношение менялось. В ее эволюции различимы «прямая» и представительная, олигархическая, элитарная, плюралистическая, а также иные разновидности демократии, как и их разнообразные сочетания. При рассмотрении такого важного фактора американской цивилизации, каким является демократия, важно следовать принципу историзма.

4. *Равенство возможностей* – укоренившееся в американской ментальности представление о справедливом равенстве. Такое понимание равенства отличает американскую национальную ментальность от тех, в которых основой социальной справедливости выступает выравнивание материальных условий существования классов, групп, индивидуумов.

5. *Подвижной фронт* – в XVII–XIX вв. это реальная возможность для массы белых американцев «передвигать» границу⁵ освоенных земель и заселять огромные незанятые западные территории, превращаясь в независимых собственников. Укоренилось убеждение, что после исчерпания свободных земель, каждый индивидуум должен иметь и имеет возможность преодолевать жизненные фронтиры, не бояться «сниматься с места», если возможности имущественного или статусного роста исчерпаны или неудовлетворительны. Все поколения американцев демонстрировали высокую горизонтальную мобильность – способность по несколько раз в течение жизни менять места проживания и трудовую деятельность.

6. *Массовая иммиграция* – важнейший фактор формирования и развития американской нации. Английский цивилизационный архетип сохранял значение на протяжении всей истории США, но по мере развития американского общества он стал во все большей мере испытывать соперничество со стороны иного цивилизационного фактора, также приобретшего основополагающий характер. Речь идет о нарастающей иммиграции из других европейских стран, а в последующем – также из Азии, Латинской Америки и Африки. На протяжении большей части американской истории главным механизмом снятия этнических противоречий выступал стихийный историко-социальный механизм, обозначаемый в литературе как «*плавильный котел*»⁶ – новые этносы адаптировались к американской цивилизации, усваивая нормы господствующей англосаксонской культуры. Но на современных этапах, начиная с середины XX столетия, «плавильный котел» существует с механизмом иного толка, обозначаемым как *мультикультурализм*. Он означает, что этносы и расы, отличные от англосаксов, обретают право на

⁵ В отечественной литературе часто используется термин «фронт» (frontier).

⁶ Так называлась пьеса начала XX в., давшая название механизму формирования американской нации.

сохранение своей национально-культурной идентичности. В конце XX в. Н. Гингрич, лидер Республиканской партии в Конгрессе США, посетовал: «С 1605 и до 1965 года была единая цивилизация и ясное представление о том, что значит быть американцем. Теперь это понятие осадили поликультураллисты, отменяющие традиционную историю под тем предлогом, что каждой группе принадлежит право на собственную версию прошлого»⁷.

7. *Мессиянство* — убеждение, что Соединенным Штатам предназначено благодетельствовать своими ценностями все человечество. Бывший президент США Барак Обама в ходе предвыборной кампании 2008 г., когда он резко критиковал американский экспансионизм, признавал: «У нас в ДНК ... отпечатано стремление к расширению — географическому, экономическому и идеологическому»⁸.

Цивилизационные характеристики не являются некими монолитами, они видоизменялись в различные эпохи, чем пренебрегают многие американские и отечественные публицисты, политики, а то и квалифицированные обществоведы, наделяющие весь четырехвековой опыт Соединенных Штатов сегодняшними чертами американской цивилизации. Цивилизационные категории выражают определенные важные тенденции, они сродни веберовским идеальным типам, но не «железным» законам⁹.

Другим важным исследовательским приемом явилось освоение и использование междисциплинарной методологии. Это приемы, категории, понятия, почерпнутые из социологии, политологии, антропологии и других социальных наук. Я осознавал опасность, возникающую в случае механистического восприятия историком категориально-понятийного аппарата социальных наук. Социальные науки нацелены преимущественно на изучение современности, а обращаясь к прошлому, часто механистически используют предназначенную для постижения современности методологию. Но в случае ее надлежащего соединения с собственными методами и приемами исторической науки можно глубже и разностороннее раскрывать характеристики и взаимосвязи разных исторических эпох.

Важным теоретическим подспорьем в изучении истории США явилось для меня освоение и использование научного *диалога* со всеми школами историографии США. Этот диалог принципиально отличен от *противоборства*, которое характеризовало отношение историографий России и США в советский период. Противоборство означало стремление к научной монополии, к дискредитации и устранению оппонента-соперника. А *диалог* — это научное обогащение каждой стороны за счет убедительных аргументов и неопровержимых фактов оппонента, это приращение общего знания в интересах исторической науки в целом.

Критически оценивая исторический материализм советского образца, я не склонен отбрасывать целиком саму эту теорию. И сегодня я разделяю то положение, что в капиталистическом обществе, каковым всегда являлись и остаются США, экономическим отношениям принадлежит *первенство* в выстраивании социальной структуры общества, а социальная структура и социальная стратификация удерживают *приоритет* в определении характера политической власти. Вместе с тем в ряде серьезных отношений очевидна уязвимость классово-формационного подхода к американской истории. Например, непредвзятый взгляд на американскую историю обнаруживает, что советскими американистами

⁷ Цит. по: Соколов А. Б. Школьный учебник истории в Соединенных Штатах Америки (XIX–XX вв.). Ярославль, 2011, с. 53–54.

⁸ Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб., 2008, с. 313.

⁹ Мною была опубликована монография, основанная на цивилизационном подходе: Согрин В. В. Американская цивилизация. М., 2020.

были серьезно искажены историческая роль, влияние и облик американского пролетариата. В действительности на протяжении большей части американской истории конфликт пролетариата и капиталистического класса не играл не только главной, но на многих этапах и вообще сколько-нибудь существенной роли. В течение четырех веков американской истории этот конфликт только дважды — на рубеже XIX — XX вв. и в 1930-е годы — выходил на ведущее место в социальных взаимоотношениях Соединенных Штатов, приобретал радикальный, но даже и тогда не антагонистический характер.

В американском обществе существовали и существуют разные конфликтные социальные группы. Главными на большинстве этапов я выделил следующие: 1. Классово-экономические; 2. Расово-этнические; 3. Религиозные; 4. Гендерные; 5. Поколенческие. Конфликтовали белые, чернокожие и индейцы; буржуазия и рабовладельцы; капитал, пролетариат и фермеры; протестанты и католики, мужчины и женщины, взрослые и молодежь. Американисты советского периода были поглощены классовым конфликтом между трудом и капиталом, а также уделяли внимание расовым конфликтам, но, по сути, игнорировали религиозный и гендерный конфликты¹⁰. Среди американских авторов существует разноречивость в понимании соотношения разных социальных конфликтов. Афроамериканские авторы отдают приоритет расовому конфликту. Феминистские авторы трактуют главный конфликт нации как преодоление женщинами порабощения и шовинизма со стороны мужчин. Но на большинстве этапов американской истории конфликт мужчин и женщин не играл сколько-нибудь существенной роли. Предложив перечень основных социальных конфликтов в США, я исходил из того, что их роль и соотношение были разными на разных этапах американской истории¹¹.

В постсоветский период мною были опубликованы книги¹², среди них учебник¹³, в котором пересматривались с новых исследовательских позиций основные проблемы американской истории.

В исследовании колониального периода главное внимание было уделено социальным взаимоотношениям и политической власти. Религия, в первую очередь протестантизм, играла первостепенную роль в социализации американцев и формировании гражданского общества, а религиозные конфликты были главными в череде социальных разногласий. Рассматривая конфликты между разными слоями белого населения, я в отличие от советских историков показывал, что выступления нижних белых слоев — сторонников Н. Бэкона в Виргинии, «пакстонских парней» в Пенсильвании и другие — обладали антииндейским характером, а конфликт белых поселенцев и коренных индейцев неизменно создавал острое напряжение.

Характеризуя политическую власть в колониях, я приходил к выводу, что политический плюрализм в основной массе колоний существовал и развивался почти исключительно в рамках верхнего класса. Особенностью политического соперничества в колониальный период было то, что фракции и группировки

¹⁰ В четырехтомной истории США, опубликованной на исходе советского периода, религиозным и гендерному конфликтам не уделено ни одного параграфа. См.: История США, в 4-х т. М., 1983—1987.

¹¹ *Согрин В. В.* Социальные конфликты в США. Участники и этапы. — Новая и новейшая история, 2019, № 4, с. 169—191.

¹² *Согрин В. В.* Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995; *его же.* Политическая история США. М., 2001; *его же.* Исторический опыт США. М., 2010; *его же.* Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011; *его же.* Центральные проблемы истории США. М., 2013.

¹³ *Согрин В. В.* История США. Учебник. М., 2019.

носили семейный характер: за влиятельные должности боролись представители богатых семей.

Анализируя роль Англии в эволюции колоний, я обозначил парадокс: перемены, последовавшие в колониях за английскими революциями XVII в., имели для Северной Америки, наряду с либеральными нововведениями, первую осязаемую попытку метрополии рассматривать поселения в Новом Свете не как свое собственное продолжение, а именно как колонии, которые метрополия ради своего благополучия могла ущемлять. Данное противоречие я увязывал с либеральными следствиями английских революций. Революции высвободили новые возможности для капиталистического развития Англии, а это усиливало его экспансионистский характер. Революции вливали свежую кровь в империю, а американские колонии, согласно воле метрополии, должны были обслуживать последнюю. То, что американские белые колонисты рассматривали себя как тех же англичан, но только переселившихся в Новый Свет, и полагали, что обладают абсолютно такими же правами, в расчет не принималось.

Многие отечественные историки трактовали первую Американскую революцию расширительно, включая в нее не только Войну за независимость, но и последующий период вплоть до принятия федеральной Конституции 1787 г. Это отличало их от американских историков, ограничивавших революцию Войной за независимость 1775–1783 гг.¹⁴ На современном этапе я соглашаюсь с классическим датированием Американской революции, а последующий период обозначил как постреволюционный.

Серьезное разногласие существовало в определении характера Американской революции. Отечественные авторы, подобно американским историкам прогрессистской школы, считали ее *двойной революцией*, соединявшей *внутреннюю революцию* с антиколониальной войной, подчеркивая особое значение *внутренней революции*, которая, по их мнению, вызрела еще до антиколониальной войны. Американские авторы, которых включали в консервативное историографическое направление, напротив, подчеркивали исключительно антиколониальный характер революции, а ее внутренние социально-политические преобразования всячески преуменьшали, а то и вообще отрицали.

На современном этапе я пришел к выводу, что революция вызрела именно как антиколониальная, а *внутренняя революция* вышла на первый план уже после провозглашения независимости. Война США за независимость явилась одновременно и антиколониальной войной, и социально-политической революцией. Но при этом было важно раскрыть меру ее революционности: опираясь на всю совокупность исторических фактов, определить реальное значение ее политических, экономических и социальных нововведений.

В ходе антиколониальной войны провинции обрели полную независимость, а *внутренняя революция* изменила их общественно-политическое устройство. Но революция ограничилась распространением либерально-демократических преобразований почти исключительно на белое население. Демократические преобразования коснулись по преимуществу политической сферы, здесь они оказались многосторонними и глубокими. В социально-экономической сфере восторжествовали либерально индивидуалистические ценности. Они одобрялись большинством белого населения, а их воплощение на практике возносило на социально-экономическую вершину наиболее удачливых и предприимчивых. Суверенные штаты отвергали как унитарную, так и федеративную форму государственного

¹⁴ Одни историки начинают революцию с 1775 г., когда произошли первые военные сражения, другие – с 1776 г., когда была провозглашена Декларация независимости.

объединения, согласившись на создание конфедерации — зыбкой формы государственного союза. Это убеждение подкреплялось ссылками на опыт Античности, свидетельствовавшей, что республика была жизнеспособна в греческих полисах, но потерпела крах на огромной территории Древнего Рима. Одобренные в 1781 г. статьи Конфедерации утверждали 13 штатов как суверенные государства.

Острые разногласия существовали между историками в осмыслении характера изменений в период после окончания революции. Отечественные специалисты упирали на его консервативный характер, определяли его как термидор, получивший законченное выражение в федеральной Конституции 1787 г. Они во многом следовали за прогрессивистской школой американских историков, которые вслед за Ч. Бирдом обосновывали охранительные начала эпохи образования США. В то же время их оппоненты из иных американских историографических школ доказывали демократический характер образования США. Я отказался от использования термина *термидор* относительно постреволюционного этапа и трактовки его в консервативном ключе. Но и выводы иного историографического лагеря осмысливались мною критически.

По завершении революционной войны политическая элита инициировала создание сильного федерального правительства. Ее лидеры — федералисты явились на общеамериканский конвент в Филадельфии, который заседал с мая по сентябрь 1787 г. Делегаты конвента были уполномочены поправить статьи Конфедерации, но уже в самом начале заседаний отвергли этот документ и обратились к разработке федеральной Конституции. По убеждению участников конституционного конвента, политическая система США, как она оформилась в революционный период, привела к «демократическому деспотизму», который должен быть преодолен. Но среди качеств участников конвента, повлиявших на содержание федеральной Конституции, присутствовал политический реализм. Он проявился в способности составителей соразмерять собственное мировоззрение с политическими установками и мнениями, укоренившимися в революционный период. Конституционный конвент 1787 г. допустил к национальным выборам всех американцев, наделенных избирательным правом в годы Войны за независимость. Конвент признал выборность всех органов власти. Конституционный конвент одновременно попытался отделить *республиканизм* от *демократии*. Под *демократией*, следуя классическим античным образцам, понимали непосредственное участие народа в управлении государственными делами, а под *республиканизмом* — делегирование всей полноты власти ее избранным представителям. Одобрение федеральной Конституции повлекло согласование с заложенными в ней принципами конституций штатов. В тех штатах, где отсутствовали верхние палаты (Пенсильвания, Джорджия, Вермонт), они были учреждены. Во всех штатах для депутатов верхних палат поднимался имущественный ценз, а сроки полномочий сенаторов увеличивались. Были расширены полномочия губернаторов и их независимость от законодательной ветви власти.

Согласно моему заключению, конституционный ревизионизм верхнего класса был постреволюционной фазой, означавшей приведение революционных завоеваний в соответствие с интересами тех элитных групп, которые участвовали в революции и благодаря ей закрепили ведущие позиции в экономике и социальной структуре. Конституция США сохраняла принципы республиканизма, разделения властей, правового государства, а также гражданские и политические свободы. Был закреплён важный механизм «сдержек и противовесов», который означал, что три ветви государственной власти были не просто разделены, но сдерживали и контролировали друг друга. Авторы федеральной конституции критиковали демократию и противопоставляли ей республиканизм, но в действительности их

модель оказалась совместимой с демократией и в последующем стала именоваться *представительной демократией*. Классическая же демократическая модель, которую отвергали составители конституции, стала именоваться *прямой демократией*.

Острые разногласия между историками сложились вокруг *джексоновской демократии* второй четверти XIX в. Одни видели ее движущую силу в рабочем движении, другие — в фермерстве, третьи — в нарождавшейся промышленной буржуазии. Одни подчеркивали ее демократический характер, другие приходили к отличающимся выводам. Мое заключение о джексоновской демократии было следующим. Это был конфликт между теми слоями белого населения, которые уже обросли определенными статусами, правами и привилегиями, и теми слоями, которые таковыми были обделены, но на них все более активно претендовали. Эти ущемленные социальные слои формировались и из пионеров-фермеров, осваивавших западные территории, и из начинающих предпринимателей и нарождавшегося рабочего класса, и из европейских иммигрантов, оказывавшихся на нижних социальных ступенях в сравнении с коренными белыми американцами. Их интересы и требования в совокупности вызвали к жизни «джексоновскую демократию». Конфликт внутри белого населения по вопросу о распределении социально-экономических и политических прав и возможностей между разными его слоями являлся главным общественно-политическим «нервом» джексоновской эпохи. Историческое значение «джексоновской демократии» при всех ее ограничениях и недостатках заключалось в закреплении и развитии либерально-демократических начал для белой Америки.

В анализе происхождения Гражданской войны ряд исследователей выделяли в качестве главной причины черное рабство, но другие историки не рассматривали рабство в качестве основополагающей причины конфликта Севера и Юга. Этот конфликт трактовался ими как территориальная борьба Севера и Юга за свободные западные земли. Какой в действительности была роль рабства в происхождении Гражданской войны? Она, по моему мнению, менялась, выдвинувшись на главное место в конфликте Севера и Юга уже в 1850-е годы, в десятилетие, предшествовавшее Гражданской войне.

Марксистские авторы, среди которых главным был Г. Аптекер, выделяли в качестве главной причины Гражданской войны борьбу чернокожих за свое освобождение. Я в своих работах счел это положение ошибочным. Ведущее место принадлежало конфликту по вопросу рабства между самими белыми американцами Севера и Юга. Внутри южных штатов белое население в отношении к рабам сохраняло единство. Многие белые бедняки включали в свою «американскую мечту» приобретение рабов и вхождение в рабовладельческий класс, пусть и в его нижние слои. В отношении черных рабов они ощущали себя социальным верхом, родственным с верхним классом, и солидаризировались с ним в признании необходимости сохранения «говорящей собственности».

Одно из центральных убеждений белых американцев в свободных штатах состояло в том, что две расы несовместимы, что идея их интеграции утопична, вредна и опасна и что реальная цель заключается в избавлении от негров. Огромную популярность в северных штатах приобрела идея о необходимости полного разделения белой и черной рас посредством возвращения всех негров в Африку или же их вывоза в Латинскую Америку. Среди небольшой части белых американцев в 1830-х годах распространилась идея, что не только рабовладение, но в равной степени разделение и неравноправие двух рас несовместимы с основополагающими ценностями демократической цивилизации. Так оформилось аболиционистское (от слова abolish — отмена) движение, выдвинувшее две радикальные цели — повсеместная отмена рабства и обеспечение чернокожих равных с белыми гражданскими и политическими

правами на территории самих США. Но аболиционисты испытывали враждебное отношение со стороны большинства белых северян, а на Юге аболиционизм был приравнен к уголовному преступлению и запрещен.

Резкое обострение конфликта Севера и Юга на рубеже 1840–1850-х годов формально имело в своей основе земельный спор: два региона вступили в дискуссию по поводу распределения между ними отнятых у Мексики огромных территорий. Южане твердо настаивали на том, что рабовладельческие штаты имеют право на равный доступ к новым территориям, а влиятельные северяне проявили решимость поставить предел территориальному распространению рабовладения. Южане отвергали уступки свободным штатам, а в последних стали набирать силу те, кто решительно противился уступкам рабовладельцев.

В 1850-е годы все большее количество жителей северных штатов стали рассматривать рабовладельческий Юг как враждебную цивилизацию, в корне отличную от Севера. Можно говорить о том, что в 1850-е годы в северных штатах произошла идеологическая революция, сравнимая по глубине с той, которая свершилась в североамериканских колониях в десятилетие перед Войной за независимость. Общественное мнение северных штатов 1850-х годов являло собою поразительный контраст с ситуацией 1830–1840-х годов: тогда в отношении Юга не было не только вражды, но и сколько-нибудь массового негативного отношения.

Раскол в отношении Севера и Юга углубил закон Канзас-Небраска, одобренный Конгрессом США в 1854 г. В июле 1854 г. большая часть вигов и демократов из свободных штатов объявили о создании Республиканской партии, потребовавшей недопущения рабства на новых территориях. Существенный урон понесло северное крыло Демократической партии, ставшее одним из главных доноров республиканцев. Наиболее чувствительными оказались потери Вигской партии. Ее северное крыло в большинстве влилось в Республиканскую партию, а южное раскололось на три части. 1854-й год сокрушил вигов как национальную политическую силу.

С 1854 г. Республиканская партия упрочивалась в качестве главной антирабовладельческой силы США. Республиканцы с самого начала опирались на широкую либерально-демократическую коалицию, в которой были представлены разные социальные слои, но преобладали средние и мелкие собственники, фермеры, мастеровые, рабочие. Республиканцы исходили из несовместимости ценностей либерализма и демократии, с одной стороны, и рабовладения — с другой. По этой причине партия заслужила названия антирабовладельческой, но это определение применительно к республиканцам нуждалось в осмыслении. Умеренные, лидером которых, как и Республиканской партии в целом, выступал А. Линкольн, вчерашний виг, ориентировались на длительную эволюционную отмену рабовладения посредством запрета его распространения на свободные земли. Умеренные, соглашаясь, что отмена рабства отвечает интересам чернокожих, исходили из того, что сама Республиканская партия осуждает и отвергает рабство, имея в виду интересы белой Америки. Республиканцы хотели с помощью раздачи простым гражданам свободных земель помочь им реализовать «американскую мечту». Доказывая невозможность бесконечного сосуществования свободы и рабства, они одновременно доказывали и невозможность сколько-нибудь длительной совместной жизни белой и черной рас. У рабовладельцев не было сомнений в том, что целью Севера было разрушение рабовладельческой цивилизации. 4 февраля 1861 г., за месяц до вступления Линкольна, победившего на выборах осенью 1860 г., в президентскую должность 11 южных штатов из 15 провозгласили образование собственного государства и обнародовали рабовладельческую конституцию. Южане начали войну.

Поражения от южан подвигли Линкольна и республиканцев к радикальным мерам. Закон о гомстедах, одобренный Конгрессом США 20 мая 1862 г., воплотил в жизнь аграрную программу Республиканской партии. Согласно закону, все граждане США старше 21 года и даже претенденты на гражданство получали право на приобретение в полную собственность 160 акров (64 га) земли из государственного фонда после занятия и пользования соответствующим участком в течение 5 лет и уплаты регистрационного взноса в размере от 26 до 34 долл. Доступ на свободные земли рабовладельцев исключался. Это был самый демократический аграрный закон в истории США. Практическая реализация закона в последней трети XIX в. сопровождалась коррупционными злоупотреблениями со стороны властей. Но, тем не менее, земельными участками и фермами смогли обзавестись сотни тысяч простых американцев. Площадь выделенных им по гомстед-акту земель составила в 60–90-е годы 170 млн акров, что равнялось одной трети всего прежнего фермерского землевладения в США.

Последовавшее вскоре после принятия гомстед-акта восприятие Линкольном идеи отмены рабства определялось политической целесообразностью. После сокрушительных военных поражений северян летом – осенью 1862 г. они были готовы использовать против южан любые средства, в том числе, вопреки своей программе и провозглашенной изначально цели, отмену рабовладения. Логика запущенной в жизнь социально-политической революции обусловила последний революционный акт Гражданской войны – полную отмену рабства в США. На завершающем этапе войны Линкольн и республиканцы отказались от идеи вывоза чернокожих в Африку и склонились к наделению их равными с белыми гражданскими и политическими правами.

Острые споры между историками велись вокруг этапа Реконструкции 1865–1877 гг. Ряд историков рассматривают ее как революцию, потерпевшую поражение. Другая часть признает ее успех. Я пришел к следующим заключениям. Режим чрезвычайного управления, введенный Республиканской партией и Конгрессом в южных штатах, сопровождался принятием серьезных демократических мер. Наибольшим радикализмом обладали политико-правовые преобразования. В 1867–1868 гг. в десяти подвластных Конгрессу США южных штатах были проведены конституционные конвенты, во время их избрания несколько сот тысяч нелояльных белых южан были поражены в избирательных правах, зато правом голоса были наделены все взрослые чернокожие мужчины. В результате количество черных избирателей существенно превысило число белых. Новые конституции 10 штатов оказались очень похожими и своим демократизмом даже превзошли конституции северных штатов. В 1870 г. федеральная Конституция была дополнена 15-й поправкой, наделившей чернокожих избирательным правом во всех США.

Вскоре после завершения процесса «исправления» Юга в нем вновь, как и в 1865–1866 гг., обозначились реставрационные тенденции. В результате уже в первой половине 1870-х годов защищавшая интересы белых южан Демократическая партия сумела потеснить республиканцев у власти в большинстве штатов Юга. Республиканская партия не обнаружила готовности сопротивляться этому, а в 1876–1877 гг. пошла на прямую сделку с Демократической партией, что означало окончательное прекращение политики Реконструкции. Я дал этому следующее объяснение. К началу 1870-х годов опасность реставрации рабовладельческого строя на Юге была ликвидирована, экономическое могущество бывшего рабовладельческого класса серьезно ослаблено, утверждение основ рыночно-капиталистической цивилизации во втором по важности регионе США гарантировано. Северо-восточные нувориши в течение нескольких лет Реконструкции завоевали на Юге прочные экономические и социальные позиции, стали

владельцами железных дорог, нефтяных скважин, многих промышленных и торговых предприятий. Их экономическим богатствам, созданным в значительной мере благодаря поддержке Республиканской партии и контролируемых ею органов власти южных штатов, ничто не угрожало. Их интересам не создавали никакой опасности и реставрационные намерения «исправившихся» южан, и по этой причине на ущемление интересов и прав чернокожих «друзей» можно было закрыть глаза. Не меньшее значение имело то, что сохранение за неграми равных гражданских и политических прав не пользовалось поддержкой среди основной массы белого населения. Сами северные штаты в 1870-е годы всецело погрузились в собственные проблемы. Предпринимательский класс наращивал темпы индустриализации уже не только Севера, но также Юга и Запада. Рабочие изыскивали способы повышения заработной платы, к которым относилась и защита от конкуренции со стороны дешевых рабочих рук освобожденных негров. Фермеры спешили воспользоваться благоприятным моментом в приобретении западных территорий, и в равноправии чернокожих, способных стать конкурентами в сельскохозяйственном производстве, видели скорее опасность, нежели благо.

Если судить о Реконструкции по обещаниям, данным Республиканской партией освобожденным неграм, то тогда можно говорить о ее неудаче. Но если рассматривать Реконструкцию в контексте противоборства Севера и Юга, либерально-капиталистической и рабовладельческой цивилизаций, то тогда ей необходимо будет выставить иную оценку. Реконструкция поставила окончательную точку в победе и утверждении в чистом виде либерально-капиталистической цивилизации в США. Период от окончания Гражданской войны и Реконструкции до Первой мировой войны все без исключения советские историки называли эпохой утверждения монополистического капитализма. Это понятие не использовалось практически никем среди ученых США, и оно выходит из обихода отечественных специалистов. Рассматривая эту тему, я пришел к выводу, что тенденция монополизации, наиболее явственно обозначившаяся на рубеже веков, в дальнейшем пошла на спад. Стандарт ойл, самая монопольная корпорация, стала утрачивать позицию безраздельного господства в отрасли еще до ее роспуска в 1911 г. К началу Первой мировой войны оживление конкуренции наблюдалось и в других отраслях, в которых на рубеже XIX–XX вв., казалось бы, возобладали монопольные компании.

В то же время я показывал, что отсутствие в США экономического всевластия монополий не означало уменьшения реального как экономического, так и политического, веса предпринимательских объединений в ту эпоху. На мой взгляд, этап экономической истории США, оформляющийся в последней четверти XIX в. может быть обозначен как *корпоративный капитализм*. В качестве самостоятельной актуальной темы обозначилось исследование возникновения, эволюции и этапов американских корпораций и корпоративной формы капитализма. Корпорации, пустившие корни в первые десятилетия независимости, увеличились количественно и изменились качественно во второй четверти XIX в. Тогда возникла, по определению американских историков, «корпоративная революция», завершившаяся уже на рубеже XIX–XX вв. Этот американский феномен, оказавший в последующем большое воздействие на другие страны, долгое время характеризовался отечественной литературой исключительно негативно. Но в действительности корпорации имели и немало позитивных данных, способствовавших экономическому подъему США.

Внутриполитическое развитие пятидесятилетия после Гражданской войны традиционно разделяется на два периода. Последняя треть XIX в., обозначаемая как «Позолоченный век», отмечена вседозволенностью капиталистических

нуворишей и крупного бизнеса, ослаблением демократии, резким обострением социальных конфликтов. Период от 1900 г. до Первой мировой войны, известный как Прогрессивная эра, характеризовался массовым демократическим подъемом, желанием общества установить контроль над корпорациями, провести социальные реформы, покончить с коррупцией в политике.

Последняя четверть XIX в. содержит богатый материал для рассмотрения вопроса: что играет более важную роль в определении характера власти — политические нормы и институты, зафиксированные в Конституции, или конкретный политический процесс? Одним из парадоксов «Позолоченного века», выявленным мною, было то, что политический консерватизм уживался с расширением демократических норм американской государственности. Но внеконституционные механизмы их нейтрализовали. В последней трети XIX в. стремительно возрасли масштабы финансирования корпорациями обеих главных партий. Различия между партиями сужались, и обе оказались тесно привязаны к финансово-промышленному капиталу. Сами партии превратились в подобие корпораций, озабоченных не только борьбой за власть, но и обогащением. В руководстве и организации практической деятельности обеих партий возобладали авторитарно-вождистские методы, известные как боссизм. Эти новшества, некоторые из которых сохраняются поныне, меняли классический облик демократии. В противовес им возникли протестные движения, включавшие фермерство, рабочих, интеллигенцию, женское движение, некоторые религиозные деноминации.

В начале XX в. они переросли в национальное прогрессистское движение, сопровождавшееся реальными демократическими реформами. В оценке этих явлений существовали серьезные разногласия между отечественными и американскими историками. По моему современному заключению, прогрессивные реформы и Прогрессивная эра были вызваны к жизни волей активной части всей американской нации, при этом на ведущую позицию в начале XX в. вышли городские средние слои. Американские рабочие, социалисты, фермеры также внесли свой вклад в успех прогрессивного движения, хотя их мотивы и устремления обладали спецификой, порой серьезными отличиями от устремлений городских средних слоев. Реформаторская часть американской политической элиты сначала примкнула к прогрессивному движению, а потом и возглавила его в силу разнообразных мотивов, а не только одной «защитной реакции».

Важнейшее место среди этих мотивов принадлежало присущему влиятельной части политической элиты стремлению к согласованию интересов разных социальных слоев. Наличие согласительных возможностей в американской политической системе раскрыло слабость прогностических построений представителем марксистского социализма, касающихся исторических перспектив капиталистической цивилизации. Маркс и его последователи, включая В. И. Ленина, исходили из того, что в этой цивилизации отсутствует сила, способная успешно и просвещенно противостоять углублению и, в конечном счете, взрыву в первую очередь ее главного антагонизма — между трудом и капиталом. В начале XX в. Ленин рассматривал утверждавшуюся на его глазах стадию капитализма, которую он обозначал как монополистическую и империалистическую, как исторически последнюю, как канун пролетарской революции. В своем прогнозе он не делал исключения ни для одной капиталистической страны, в том числе и для США.

Но вопреки ленинскому прогнозу США, миновали опасные социальные рифы. Экономические интересы большого бизнеса в результате согласительнореформаторских действий политической элиты в целом не пострадали. Более того, в последний год пребывания у власти реформатора В. Вильсона состояния ведущих американских корпораций в среднем были в два-три раза выше, чем

в год его прихода к власти. Уступки демократии, социальный мир со средним и нижним классами оказались для большого бизнеса экономически выгоднее, нежели конфронтация и стремление к всевластию. Эта выигрышная «цена» реформ в момент их запуска осознавалась далеко не всеми представителями большого бизнеса, но те, кто ее предвидел, активно поддерживали реформы президентов США Т. Рузвельта и В. Вильсона. Они же выступали ближайшими советниками и финансовыми покровителями политических кампаний двух президентов. Роль этих советников и покровителей была демонизирована американскими представителями левых историографических школ, объявивших их истинными творцами и властителями Прогрессивной эры и нарекших реформы «корпоративным либерализмом». Такая интерпретация не может быть признана удовлетворительной в качестве исторического синтеза. Прогрессивная эра в действительности произрастала «снизу», «корпоративный либерализм» ее отнюдь не исчерпывал, в выигрыше от нее оказались самые разные классы и слои американского общества, как и общество в целом.

Важной причиной недостатков советской американистики в изучении «десятилетия процветания» 1920-х годов было, на мой взгляд, игнорирование роли социокультурного фактора. Советская американистика, следуя концепции перманентного глобального кризиса капитализма, наступившего после Октября 1917 г., представляла десятилетие «процветания» как период «временной и частичной стабилизации капитализма». Мною обосновывалась новая концепция исторического места этого периода. Упор был сделан на то, что экономические успехи США 1920-х годов стали основанием становления матрицы *общества потребления*, превратившейся в поведенческую первооснову американского социума новейшего времени. Она укоренилась в сознании не только верхних и средних, но также нижних слоев, которые получили возможность хотя бы отчасти приобщаться к обществу потребления при помощи кредита. Новая потребительская ментальность приобретала все более массовый, общенациональный характер, серьезно размывая и деформируя классовые субкультуры. Цивилизационное значение десятилетия «процветания» для Соединенных Штатов заключается в том, что в ряде важных отношений, особенно опять-таки в социокультурном, современная Америка «стоит на плечах» 1920-х годов.

При рассмотрении рузвельтовской либерально-демократической активности 1930-х годов особое внимание было мною уделено критической проверке распространенного в работах как отечественных, так и большого числа американских авторов положения о том, что Новый курс Рузвельта не смог вывести страну из экономического кризиса, как и решить острые социальные проблемы, и что американский капитализм был спасен только военной экономикой 1940-х годов. Вопреки этому выводу, я доказывал, что в 1939–1940 гг., т.е. еще до вступления США в войну и начала ими массового военного производства, показатели ВВП предкризисного периода были не только достигнуты, но и превзойдены, безработица оказалась в полтора раза ниже, чем в 1933 г. Вступление США во Вторую мировую войну ускорило восстановление высоких экономических показателей и одновременно создало условия для нового, во многом беспрецедентного взлета американской экономики. Что касается антикризисных механизмов, освоенных Новым курсом в 1930-е годы, то многие из них не исчезли ни во время, ни после Второй мировой войны, они сохранились и совершенствовались, свидетельствуя об эффективности социально-экономической стратегии, избранной Рузвельтом и его командой. Было создано американское социальное государство, устойчивое и полезное как для экономики, так и для социума. Президентство Рузвельта показало, что деятельность американского государства и политической системы не

является чем-то раз и навсегда данным, но определяется соотношением разных социальных сил, как и позицией политической элиты, и что те преимущества, которые дает для воздействия на политическую власть собственность и богатство, могут быть ослаблены противодействующими силами.

Экономические, социальные и политические перипетии заключительного этапа американской истории рассмотрены мною сквозь призму смены индустриального общества постиндустриальным. Экономическое развитие постиндустриальной Америки испытывало воздействие соперничества двух главных партий. Либеральная модель Демократической партии, развивавшая подходы Ф. Рузвельта, уделяла особое внимание повышению покупательной способности населения, развитию программ государственных экономических и социальных «услуг» населению. Консервативная модель, пестовавшаяся Республиканской партией и ставшая известной как «экономика предложения» (в отличие от «экономики спроса», отстаивавшейся Демократической партией), делала упор на расширение и стимулирование рыночных возможностей бизнеса, расширение в обществе роли и удельного веса частных институтов и инициатив. Чередование двух моделей в экономической политике государства определялось изменениями в реальных запросах и потребностях общества.

Смена индустриального общества постиндустриальным сопровождалась радикальными изменениями социальной структуры и социальных отношений в США. Подвергся резкому сокращению классический промышленный пролетариат, а на ведущую позицию в занятом населении выдвинулись «беловоротничковые» работники. Эти слои идентифицировали себя со средним классом, к которому в прежнюю индустриальную эпоху причислялись главным образом представители собственнических слоев. В постиндустриальном обществе средний класс стал разделяться на «старый», включающий в основном предпринимателей, и «новый», состоящий главным образом из «беловоротничковых» специальностей. Старый и новый средний класс, по совокупности, достиг двух третей американского общества и выступил в качестве главного стабилизатора его социально-экономических и политических основ.

Социальные конфликты, занимавшие центральное место в американском обществе в прежние эпохи, пошли на убыль. Произошел упадок профсоюзного движения и фактическое исчезновение социалистической и коммунистической партий. В постиндустриальном американском обществе социальная напряженность создавалась иными силами и движениями, среди которых в качестве главных мною рассмотрены афроамериканцы, женское движение и «новые левые». Они добились реальных успехов в борьбе за одну их главных американских цивилизационных ценностей — *равенство возможностей*, включающего равенство гражданских и политических прав.

Парадоксом с моим выводом о том, что в постиндустриальной Америке улучшились статусные позиции и экономическое положение приниженных прежде социальных групп — женщин, чернокожих, иммигрантов, пожилых — звучал другой мой вывод: неравенство между тремя основными экономическими классами — верхним, средним, нижним — не уменьшилось, а в последние десятилетия даже имело тенденцию к расширению. Его объяснение, согласно моим выводам, заключено в том, что внутри этих социальных групп, улучшивших свое положение в целом, одновременно развивалось имущественное неравенство, воспроизводящее классическую экономическую пирамиду американского общества, в которой его граждане разделены на три экономических класса — верхний, средний, нижний — со зримыми, во многих отношениях остро неравными параметрами существования.

Полнокровный синтез американской истории был невозможен без рассмотрения в органичном единстве истории внутренней и внешней политики Соединенных Штатов. Такой синтез был осуществлен мною в монографии «США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя», изданной в начале 2015 г.¹⁵ Соединенные Штаты были определены мною как *либерально-демократическая империя*. Это определение впервые введено в историографию и отличает автора как от тех, кто не считает американскую внешнюю политику имперской, так и от тех, кто признает ее имперской, но не придает значения исторической особенности, выделенной мною.

Разногласия историков в существенной мере проистекают из различий в трактовке понятия *империя*. Большинство американских авторов разделяют то мнение, что империя может быть творением только авторитарного (деспотического, монархического и т.д.) или тоталитарного (правого или левого) режимов. «Отождествлять Соединенные Штаты с имперской властью, — формулирует мнение большинства А. Перлмуттер, — ошибочно. Америка утверждала свое влияние посредством современных инновационных идей, технологических достижений, развития рынков, создания и распространения общества потребления, нежели посредством господства над народами... Империализм, очевидно, являлся фундаментальной принадлежностью коммунистической и нацистской политических систем»¹⁶. В противовес такому мнению я пришел к выводу: американская история свидетельствует, что *демократия и империя совместимы*. Понятие *империя* со времен древнеримского периода приобретало разные значения, в том числе и такое, которое близко к американской империи XX–XXI вв. У Рах Романа и Рах Америгана есть не только серьезные отличия, но и принципиальное существенное сходство. У Америки тоже главное стремление, что и у Римской империи — создать и расширять до максимума сферу своего экономического, политического и культурно-цивилизационного влияния и господства. И в этом главном стремлении она превзошла не только Древний Рим, но и все иные империи прошлого.

Американский имперский мессианизм во все времена был освящен идеалами демократии и либерализма. Американские отцы-основатели мечтали, что Америка станет империей, но радикально отличной от европейских монархий и деспотий. Т. Джефферсон, рассуждая в духе Просвещения, мечтал о создании и распространении его родиной *империи разума* — особого, неизвестного истории универсума, обустроенного в соответствии с принципами Ф. Вольтера, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо. Во времена отцов-основателей мессианская идея не могла получить практической реализации, поскольку США оставались слабым государством. Ситуация меняется в следующем столетии. Президенты-демократы Т. Джефферсон и Э. Джексон обосновывали необходимость широкой экспансии на Североамериканском континенте, при этом особо подчеркивали, что такая экспансия оправдана необходимостью распространения американского демократического эксперимента и способствует укреплению демократии среди населения штатов, поскольку тысячи и тысячи неимущих американцев превращаются благодаря территориальной экспансии в фермеров — главную опору демократической республики, т.е. территориальная экспансия рассматривалась как основа упрочения и развития демократии. Так сплавлялись идеи демократии и экспансии, заключавшей в себе имперский ген.

Демократический имперский мессианизм настолько прочно вошел в сознание как политической элиты, так и масс, что превратился в материальный фактор

¹⁵ Согрин В. В. США в XX – XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.

¹⁶ Perlmutter A. Making the World Safe for Democracy: A Century of Wilsonianism and Its Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC), 1997, p. X–XI.

американской внешней политики. Не умаляя значения таких реальных материальных факторов, как капиталистическая экономика, геополитика и национальные интересы, я убежден, что обозначенный социокультурный фактор с момента возникновения США и до наших дней выступал в качестве непреходящего и мощного реального фактора становления и развития американской империи. Он всегда был мощной опорой экономических и политических устремлений американской нации, облагораживал их экспансионистский характер, обеспечивал им массовую поддержку.

Имперская политика США влияла на демократию внутри страны, неоднократно ее серьезно деформировала. Еще более серьезно имперская политика деформировала демократию на международной арене. Подчас те или иные страны добровольно подчинялись Соединенным Штатам, и норвежский исследователь Г. Лундестад счел возможным назвать США «империей по приглашению»¹⁷. Это определение нашло признание в научной литературе. Но вхождение в имперскую орбиту США оборачивалось их подчинением экономическим и политическим интересам Вашингтона, превращением в союзника низшего ранга.

Качественное изменение в американской имперской политике произошло на рубеже XIX–XX вв. США тогда в течение полугода победили Испанию, принудив некогда могущественную европейскую монархию подписать в декабре 1898 г. в Париже мир, который означал конец испанской империи и создание из ее останков, переданных США, американской колониальной империи. Испания уступила Соединенным Штатам Пуэрто-Рико, Гуам и, что особенно важно, Филиппины. Сенат также ратифицировал аннексию независимого королевства Гавайи. Создав в короткий срок (1898–1903 гг.) собственную колониальную империю, США в дальнейшем новых колоний не приобретали, но стали противопоставлять классическому колониальному имперскому варианту новый вариант. Изложенная в 1899–1900 гг. в двух нотах главным европейским державам, она стала известна как «доктрина открытых дверей». Ее основополагающий подспудный мотив заключался в том, что в режиме свободной конкуренции американская промышленность, ставшая к тому времени самой мощной в мире, способна утвердить мировое экономическое господство США. Она приобрела во внешней политике США такой же долговременный характер, как и доктрина Монро.

В тот же период радикально изменились отношения США с Россией. С момента американской Войны за независимость до 1890-х годов их отношения были партнерскими, два государства «дружили» против Великобритании, которая в тот период являлась владычицей морей, экономическим мировым гегемоном. К концу XIX в. США потеснили Великобританию экономически и стали претендовать на мировое экономическое лидерство. Бывшая метрополия постепенно шла на всевозможные уступки Вашингтону, а «дружба» против Великобритании с Россией сменилась жестким соперничеством с последней на Дальнем Востоке.

В. Вильсон, президентство которого совпало с Первой мировой войной, пестовал неоимперский вариант американского мирового доминирования. Не только промышленность, но также и финансы Соединенных Штатов утвердились на ведущей позиции в мире. Вильсон провозгласил, что тот, кто управляет мировыми финансами, должен управлять и самим миром. В 1919 г. в Версале, где подводились итоги Первой мировой войны, Вильсон хотел превратить предложенную им Лигу наций в точку опоры, с помощью которой надеялся перевернуть систему международных отношений, избавиться от прежнего равновесия сил, заменив его

¹⁷ Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945 – 1996. М., 2002, с. 4, 14.

коллективной ответственностью мирового сообщества под руководством США. В момент образования Лиги наций в ней состояло более 40 государств, но среди них не оказалось США, инициатора Лиги. Вступление США в эту организацию отказался поддержать американский сенат, согласие которого было необходимо в соответствии с конституцией Соединенных Штатов. Оппоненты Вильсона – лидеры Республиканской партии, правившие в сенате, – были, в отличие от президента страны, убеждены, что у США нет достаточных военно-политических ресурсов, чтобы играть главную роль в Лиге наций. Соединенные Штаты, по их мнению, должны были сохранить «свободу рук».

Но в ретроспективе победа была на стороне Вильсона. Г. Киссинджер признавал в конце XX в.: «В течение трех поколений критики Вильсона яростно нападали на его анализ и выводы, и все равно в то же самое время вильсоновские принципы оставались прочнейшим фундаментом американского внешнеполитического мышления»¹⁸. В период между двумя мировыми войнами США следовали стратегии «изоляционизма». Она формально означала отказ от каких-либо военно-политических союзов. Но США, продолжая считать свою страну лучшей в мире, утверждали собственные интересы посредством экономической мощи и политической дипломатии. «Изоляционистские» Соединенные Штаты «жесткой» и «мягкой» силой поддерживали и укрепляли гегемонию в Латинской Америке. Велика была их роль в европейской политике, хотя они предпочитали не вмешиваться непосредственно в «горячие» европейские «разборки», полагая, что цена вмешательства будет чрезмерной. Во внешнеэкономической политике США следовали дипломатии доллара и доктрине открытых дверей.

Я следовал концепции, согласно которой Вторая мировая война возникла вследствие конфликта двух капиталистических сил (либеральный и тоталитарный капитализм) и советского социализма. Изначальной целью нацистской экспансии, как она определялась Гитлером, был социалистический СССР по этнической и идеологической причинам (славяне – «низшая раса»; управляется «евреями-марксистами»). Другой главный противник Гитлера – либеральный капитализм в лице его европейских лидеров Франции и Англии политикой «умиротворения» Германии ставил целью направить фашистскую агрессию против СССР. Со своей стороны, лидер СССР И. В. Сталин августовским договором 1939 г. с Германией направил германскую агрессию против европейских демократий. После того, как все они, кроме Англии, были Гитлером повержены, в защиту либерального капитализма выступили США. А после нападения Гитлера на СССР 22 июня 1941 г. две силы – либеральный капитализм и советский социализм – выступили в совместном союзе против тоталитарного капитализма. Победа над последним была одержана в 1945 г., и уже два прежних союзника – США и СССР – начали борьбу за мировое лидерство.

Многу развивалась концепция исторической обусловленности «холодной войны». США и СССР, две сверхдержавы по итогам Второй мировой войны, выступили главными мировыми соперниками. Между ними возникла и полвека продолжалась «холодная война», у которой были фундаментальные идеологическая и геополитическая причины. США в период Второй мировой войны уверовали в то, что на обломках Третьего рейха суждено утвердиться Американскому веку, а американские ценности должны быть восприняты для блага мира и каждой страны. Имперский «соблазн» СССР определялся восприятием Советским Союзом исторической миссии смены капитализма социализмом. За счет стран Восточной Европы был создан «лагерь социализма», как он определялся самой

¹⁸ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997, с. 41.

советской идеологией. Произошло столкновение американской и советской имперских миссий.

Многу было уделено внимание перипетиям «холодной войны» и ее ведению, главным образом, со стороны США. «Холодная война» развивалась с переменным успехом¹⁹. По ее завершению США, оказавшиеся единственной сверхдержавой, уверовали в то, что им принадлежит руководящая роль в формулировании и выстраивании однополярного мира.

Библиография

- История США, в 4-х т. М., 1983–1987.
Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945 – 1996. М., 2002.
Обама Б. Дерзость надежды. Мысли о возрождении американской мечты. СПб., 2008.
Согрин В. В. Идейные течения в Американской революции XVIII века. М., 1981.
Согрин В. В. Идеология в американской истории. От отцов-основателей до конца XX века. М., 1995.
Согрин В. В. Политическая история США. М., 2001.
Согрин В. В. Исторический опыт США. М., 2010.
Согрин В. В. Демократия в США. От колониальной эры до XXI века. М., 2011.
Согрин В. В. Центральные проблемы истории США. М., 2013.
Согрин В. В. Состояние и перспективы российской американистики. – Новая и новейшая история, 2014, № 3, с. 157–158.
Согрин В. В. Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991. – Новая и новейшая история, 2015, № 6, с. 13–34; 2016, № 1, с. 19–43.
Согрин В. В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. М., 2015.
Согрин В. В. Социальные конфликты в США. Участники и этапы. – Новая и новейшая история, 2019, № 4, с. 169–191.
Согрин В. В. История США. Учебник. М., 2019.
Согрин В. В. Американская цивилизация. М., 2020.
Соколов А. Б. Школьный учебник истории в Соединенных Штатах Америки (XIX–XX вв.). Ярославль, 2011.
Perlmutter A. Making the World Safe for Democracy: a Century of Wilsonianism and It's Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC), 1997.

References

- Istoriya SSHA. [History of the United States], t. 1–4. Moscow, 1983–1987. (In Russ.)
Kissinger G. Diplomatiya [Diplomacy]. Moscow, 1997. (In Russ.)
Lundestad G. Vostok, Zapad, Sever, Yug. Osnovnyye napravleniya mezhdunarodnoy politiki. 1945–1996 [East, West, North, South. Main directions of international politics. 1945–1996]. Moscow, 2002. (In Russ.)
Obama B. Derzost' nadezhdy. Mysli o vrozozhdenii amerikanskoj mechty [The Insolence of Hope. Thoughts on the revival of the American dream]. Saint-Petersburg, 2008. (In Russ.)
Sogrin V. V. Amerikanskaya tsivilizatsiya [American Civilization]. Moscow, 2020. (In Russ.)
Sogrin V. V. Demokratiya v SSHA. Ot kolonial'noy ery do XXI veka [Democracy in the United States. From Colonial Era to 21st Century]. Moscow, 2011. (In Russ.)
Sogrin V. V. Dinamika sopernichestva SSSR i SSHA v period «kholodnoy voyny». 1945–1991. – Novaya i noveyshaya istoriya [Dynamics of rivalry between the USSR and the United States during the Cold War. 1945–1991. – Modern and Contemporary History], 2015, № 6, p. 13–34; 2016, № 1, p. 19–43. (In Russ.)

¹⁹ *Согрин В. В.* Динамика соперничества СССР и США в период «холодной войны». 1945–1991 – Новая и новейшая история, 2015, № 6, с. 13–34; 2016, № 1, с. 19–43.

Sogrin V. V. Ideologiya v amerikanskoj istorii. Ot ottsov-osnovateley do kontsa XX veka [Ideology in American History. From founding fathers to the end of the 20th century]. Moscow, 1995. (In Russ.)

Sogrin V. V. Ideynnye techeniya v Amerikanskoj revolyutsii XVIII veka [Ideological Currents in the 18th Century American Revolution]. Moscow, 1981. (In Russ.)

Sogrin V. V. Istoricheskiy opyt SSHA [Historic Experience of the USA]. Moscow, 2010. (In Russ.)

Sogrin V. V. Istoriya SSHA. Uchebnik [History of the United States. Textbook]. Moscow, 2019. (In Russ.)

Sogrin V. V. Politicheskaya istoriya SSHA [Political history of the United States]. Moscow, 2001. (In Russ.)

Sogrin V. V. Sostoyaniye i perspektivy rossiyskoj amerikanistiki. – Novaya i noveyshaya istoriya [State and prospects of Russian American Studies. – Modern and Contemporary History], 2014, № 3, p. 157–158. (In Russ.)

Sogrin V. V. Sotsial'nyye konflikty v SSHA. Uchastniki i etapy. – Novaya i noveyshaya istoriya [Social Conflicts in the United States. Participants and Stages. – Modern and Contemporary History], 2019, № 4, p. 169–191. (In Russ.)

Sogrin V. V. SSHA v XX–XXI vekakh. Liberalizm. Demokratiya. Imperiya [USA in XX–XXI centuries. Liberalism. Democracy. Empire]. Moscow, 2015. (In Russ.)

Sogrin V. V. Tsentral'nyye problemy istorii SSHA [Central Problems of U.S. History]. Moscow, 2013. (In Russ.)

Sokolov A. B. Shkol'nyy uchebnik istorii v Soyedinennykh Shtatakh Ameriki (XIX–XX vv.) [A School textbook of history in the United States of America (XIX–XX centuries)]. Yaroslavl, 2011. (In Russ.)

Perlmutter A. Making the World Safe for Democracy: A Century of Wilsonianism and It's Totalitarian Challengers. Chapel Hill (NC), 1997.